

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Бес в ребро

«Научная книга»

Серова М. С.

Бес в ребро / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Вчера все было похоже на сказку. К телохранителю Жене Охотниковой обратился за помощью герой ее девичьих грез – киноактер Овалов. А сегодня Женька ругала себя за легкомыслие и пыталась найти объяснение визиту кумира. Почему забытый всеми любимец публики беспокоится о своей безопасности? Несомненно, он кого-то опасается! А родной город всего лишь гавань, чтобы укрыться от чьих-то глаз? Ее самые худшие опасения начали сбываться, когда Овалов обратился с невинной просьбой – забрать от приятеля его чемодан. Явившись по адресу, Женя обнаруживает на полу распростертое тело...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Бес в ребро

ГЛАВА 1

В тот день я провожала тетю Милу на проходящий через наш Тарасов поезд Кисловодск – Новокузнецк. Что заставило ее изменить традициям и пуститься в длинное и опасное путешествие – можно было только гадать. «Это – зов сердца!» – торжественно заявила она мне. На лице ее в этот миг были написаны такие волнение и растерянность, что я немедленно усомнилась в правдивости тетушкиных слов и тут же сообщила об этом вслух.

Тетя Мила пораженно взглянула на меня и задумалась. Через минуту она решительно кивнула головой и с преувеличенным энтузиазмом воскликнула: «Нет, правда-правда!», подкрепив меня в убеждении, что с этим самым зовом не все чисто.

Формально повод для поездки был. Неожиданно дала о себе знать старинная тетушкина подруга, бывшая однокурсница, коротавшая теперь пенсионные деньки в далеком Кемерове. В пришедшем из Сибири толстом письме было море ностальгии и приглашение в гости.

Однако я подозревала, что не дружеские чувства движут моей доброй тетушкой. Вернее, не они одни. В ее голове последнее время прочно засела одна безумная идея – устроить мою личную жизнь.

У каждой женщины рано или поздно неизбежно возникает желание устроить чью-нибудь личную жизнь. Отсюда и происходят неожиданные свадьбы, разводы и размены квартир. Теперь подобный момент настиг и тетю Милу. По некоторым намекам, вздохам и печальным взглядам, которыми она с некоторых пор начала одаривать меня, я поняла, что тетушка мечтает об одном: чтобы в моей жизни появился мужчина. Ей казалось, что присутствия именно этого существа не хватает мне для полного счастья.

У меня сложное отношение к мужчинам, и о нем я расскажу чуть попозже, но сразу хочу предупредить – необходимости ежедневно видеть физиономию со следами бритвенного прибора на щеках я пока не испытывала. То есть в рассуждения тети Милы о моем счастье изначально вкралась логическая ошибка.

За одной ошибкой немедленно последовала и другая. Тетушка вообразила, что моему общению с мужчинами мешает ее постоянное присутствие. А вот если бы квартира была свободна, то уж тут бы я развернулась! Как нарочно подоспело письмо из Кемерова, и тетя Мила сочла это знаком свыше. Она размышляла ровно два дня, а потом объявила о своем решении.

– Оставляю тебя одну, – сокрушенно призналась она и добавила со значением: – В мое отсутствие ты должна чувствовать себя в этой квартире совершенно свободно!

Я заметила, что если попытаюсь вести себя свободнее, чем обычно, то, пожалуй, легко выскочу за рамки приличий.

– Это не должно тебя смущать, – сказала тетя и смахнула слезу.

Перед самым отъездом Мила призналась, что поездка имеет и еще одну побочную цель. Она должна стать для нее испытанием духа. Чем-то вроде покаяния и епитимьи.

– Я не беру с собой в дорогу ни одного детектива! – с суровой гордостью похвасталась тетушка.

Мне оставалось только развести руками. Представить мою тетушку без яркого глянцевого томика в руках было невозможно. Глядя на тысячи разноцветных корешков, заполнивших книжные полки в тетиной комнате, я гадала, чем она сумеет возместить себе отсутствие этих драгоценных плодов человеческого воображения.

– Я буду наблюдать жизнь! – словно отвечая на мой немой вопрос, сообщила тетушка.

Я подумала, что наша дерганая невразумительная жизнь будет неважной заменой кристально ясным, логически выверенным детективным конструкциям, но не стала огорчать тетюшку этим умозаключением.

Покидая дом, тетя Мила еще раз оглянулась на книжные полки – в глазах ее были боль и беспомощность. Ручаюсь, что в этот миг она позабыла и обо мне, и о своей кемеровской подруге – сейчас ей просто казалось, что неведомые злые силы уносят ее куда-то в преисподнюю, где нет ни мягких кресел, ни сверкающих томиков с красавицами блондинками на обложках.

Впрочем, смятение ее длилось недолго, и через десять минут мы мчались в такси на вокзал, набив багажник и салон машины сумками, чемоданами и пакетами. Тетя Мила не брала с собой книг, но уж об остальном она позаботилась основательно. Так что час, который мы выгадали, выбравшись из дому пораньше, ушел на перетаскивание тетюшкиного багажа в вагон.

Давно не выбиравшаяся в большой мир, тетя Мила смотрела с большим уважением на все, что попадалось на глаза: на хмурого проводника в синей форме, на бежевую обивку купе и даже на лысого попутчика, который, обосновавшись в купе еще раньше нас, уже разложил на столике вареную курицу и огурцы с помидорами.

Самое долгое прощание когда-то неизбежно кончается. Объявили отправление. Мы с тетюшкой наспех обнялись и расцеловались. В глазах ее была мука.

Когда я уже стояла на перроне и прощально поднимала ладонь, тетюшка вдруг высунула голову в открытое окно и отчаянно крикнула:

– Я все равно буду покупать их на станциях! – Она явно имела в виду отвергнутые сгоряча детективы.

Тетя Мила выглядела в этот момент смущенной и виноватой, зато я успокоилась – теперь ей не страшна никакая дорога, она ее попросту не заметит.

Поезд наконец ушел, и я медленно побрела по перрону, намереваясь через здание вокзала выйти на площадь, где находилась конечная остановка общественного транспорта. Я раздумывала, отправиться ли сразу в опустевшую тетину квартиру или как-то отметить ее отъезд – событие, что ни говори, неординарное – и тут появился ОН.

Теперь, пожалуй, не обойтись без рассказа о моем отношении к мужчинам, потому что без этих пояснений вся история может показаться не вполне понятной. Дело в том, что у меня необычная профессия. Я – телохранитель. Я получила необычную подготовку, судьба моя складывалась не совсем обычно, и мой жизненный опыт также трудно назвать обычным. Мне чаще приходилось оберегать мужские тела, чем вверять им свое, и это обстоятельство наложило неизгладимый отпечаток на мое поведение, разум и чувства.

Моя профессия научила меня достаточно хорошо разбираться в людях, их тайных намерениях, страхах и слабостях. Меня трудно ввести в заблуждение красивыми словами, мужественной внешностью или щедрыми обещаниями. Мне слишком часто приходилось видеть мужчин с невыгодной для них стороны, и мнения о них я, признаться, не самого высокого. Во всяком случае, не было еще ни одного случая, чтобы мой интеллект утратил контроль над чувствами.

Это не означает, что я вознамерилась окончить свои дни старой девой. В моей жизни, разумеется, были мужчины, и зачастую ими оказывались как раз мои клиенты, которым обычные услуги казались недостаточными и которые нуждались в дополнительном утешении. Конечно, я ложилась в постель не со всяким, а только с тем, кто вызывал в моей душе симпатию и уважение, то есть достаточно редко. И связь эта заканчивалась с истечением контракта, потому что симпатия и уважение – чувства достойные, но не особенно пылкие.

А сейчас я должна открыть свой главный секрет. В моей жизни все-таки был мужчина, которым я восхищалась и за которым пошла бы на край света. Правда, это было очень давно и, как бы сейчас выразились, несколько виртуально. Я увидела его впервые в четырнадцать лет и

влюбилась сразу и окончательно. Он был высок, строен и широкоплеч. У него были длинные волосы, что ему очень шло, потому что волосы были густые, темно-каштановые и блестящие. И еще у него были восхитительные голубые глаза, которые одновременно излучали и твердость, и нежность. В общем, в его облике наяву воплотились все мои девичьи грезы и мечтания. Это было попадание в яблочко.

Но имелось одно существенное обстоятельство, которое не позволило развиваться моему чувству, а может быть, напротив, сохранило его в неприкосновенности на долгие годы. Мужчину своей мечты я увидела на киноэкране.

Я – большая поклонница кино, и теперь у меня есть возможность выбора. Но в те времена приходилось смотреть только то, что шло в кинотеатрах, без разбора. Актер Алексей Овалов блеснул в единственном фильме из «ненашей» жизни, под названием «Режущая цепь», невыразительно сыграл в серой производственной драме, мелькнул в эпизоде еще в одном фильме и куда-то исчез. Поговаривали, что он перебрался на Запад, а в те времена это было равнозначно смерти.

Подобный исход мне казался печальным, но естественным для такого человека, как Овалов, потому что прославился и увековечился он именно в роли американского автогонщика Берта, и весь этот забугорный антураж – лаковые машины, неоновые рекламы и лазурные пляжи – шел ему как нельзя лучше.

Видимо, он навсегда очаровал мою неокрепшую девичью душу, потому что, судите сами – пронеслось столько перемен, столько несчастий и предательства на нас обрушилось, столько невиданных соблазнов и возможностей у нас появилось, и мы воочию увидели и сверкающие лимузины, и сигареты «Кэмел», и одежду от Кардена, а вот поди ты – когда я изредка вспоминаю, как роскошный Берт – Овалов, расставив длинные ноги, обтянутые голубыми джинсами, с презрительным прищуром смотрит в лица своим киношным врагам и цедит сквозь зубы предупредительно-ледяные слова: «Не пытайтесь останавливать режущую цепь руками, парни!», сердце мое тут же замирает и проваливается куда-то на уровень первого этажа. Сладкое и пугающее чувство.

И, будьте уверены, я вновь испытала нечто подобное, когда он внезапно и тихо возник на перроне нашего провинциального вокзала. Не могу ручаться, но, кажется, я побледнела и разинула рот, что мне вообще не свойственно. Просто в этот момент я опять почувствовала себя четырнадцатилетней школьницей, готовой на любые глупости.

Я не заметила, откуда он появился, но, видимо, он сошел с какого-то поезда, потому что в руке у мужчины моей мечты был дорогой кожаный чемодан песочного цвета. Слегка наклонив голову, Овалов довольно быстрым шагом направился к зданию вокзала. По-моему, он не хотел привлекать к себе внимания.

Впрочем, никто на перроне, кроме меня, не заметил Алексея Овалова, и это даже немного меня задело и привело в чувство. В какой-то момент Овалов прошел совсем близко от меня, и я смогла довольно хорошо рассмотреть его.

Время, конечно, не пощадило и этого красавца, но и сейчас, в свои, наверное, сорок с небольшим он был исключительно хорош. По-прежнему это был отчаянный автогонщик Берт, только в силу обстоятельств и личных достоинств уже переместившийся, скажем, в Сенат Соединенных Штатов. Любимец домохозяек и надежда избирателей.

Волосы его были теперь коротко пострижены, и на висках проглядывала седина, но это только добавляло ему мужественности. Фигура по-прежнему казалась подтянутой и гибкой, а в голубых глазах таились все та же сталь и все тот же сводящий с ума огонек.

И еще я заметила, что костюм на нем явно пошит на заказ, и не у заурядного портного. На ходу он мельком взглянул на часы, и на запястье сверкнул золотой «Ролекс». И еще я почувствовала запах одеколона «Давидофф». Мой герой, кажется, не бедствовал, и я от души порадовалась за него.

Меня Овалов, разумеется, не заметил, хотя мы столкнулись с ним нос к носу. Да и что за дело ему до провинциалки в потертых джинсах и выцветшей майке – а именно так я сообразила одеться сегодня – и, пока я критиковала себя за непростительное легкомыслие, автогонщик Берг растворился в толпе.

Я вздохнула и пошла куда глаза глядят. В голове моей царил необычный сумбур. Я даже не подозревала, как много сентиментальности сохранилось в тайниках моей души. Я опять словно наяву слышала этот удивительный голос, в котором странным образом сочетались угрожающие и убаюкивающие интонации: «Не останавливайте режущую цепь руками, парни!»

А ведь я даже не помнила сюжет того фильма. Помню только, что хороший парень Берг, по прозвищу Режущая Цепь, задавал плохим парням перцу на протяжении полутора экранных часов. Но и этого оказалось достаточно, чтобы я на всю жизнь немного сошла с ума.

Я даже не заметила, как очутилась на главном проспекте города – брела, как сомнамбула, через толпу, теснящуюся возле лотков с апельсинами, сигаретами и видеокассетами. В другой раз я непременно бы застряла у одного из них, но сейчас меня интересовал единственный фильм, которого все равно не было в продаже.

В чувство меня привел какой-то толстяк с двумя объемистыми пакетами в потных ладонях. Он налетел на меня со всего размаху огромным животом и, сердито прокричав: «Смотреть надо!», помчался дальше. Он и сам не подозревал, насколько был прав – специалист моей квалификации должен именно смотреть и уклоняться от подобных столкновений в любой ситуации.

Чтобы успокоиться, я купила брикет шоколадного мороженого и, надорвав яркую упаковку, остановилась около фонтана напротив городского цирка.

От фонтана веяло прохладой. Огромный водяной шар, составленный из сверкающих струй, умиротворяюще шумел и слегка колебался под дуновением ветра. Вокруг фонтана покорно шествовал маленький пони, в гриву которого были вплетены разноцветные ленточки. На спине у пони сидела пятилетняя девочка в розовом платьице. На лице девочки был написан восторг.

На светофоре зажегся красный свет, и на время смолк шум машин. И тут же с противоположной стороны улицы до меня донеслась удивительная загадочная музыка, бередящая душу какими-то незнакомыми, даже диковатыми созвучиями.

Музыка явно была живой, и я вытянула шею, пытаюсь разглядеть музыкантов. Это мне не удалось, потому что музыканты были скрыты за спинами многочисленных слушателей, стекавшихся со всех сторон. Я, как замороженная, перешла улицу и постаралась пробраться сквозь толпу поближе к музыкантам. Увиденное поразило меня. Возле тротуара с инструментами в руках стояла группа самых настоящих индейцев! У них были смуглые непроницаемые лица и черные как смоль волосы. С их плеч свисали пончо с диковинным орнаментом. С необыкновенно серьезным, даже отрешенным видом они дули в свои дудки и перебирали струны разнокалиберных гитар, извлекая из них волшебную музыку, похожую на шум ветра где-нибудь в Кордильерах. Глухо и торжественно ухал барабан. Музыка удивительным образом совпала с моим романтическим настроением, и, растрогавшись, я опустила в широкополую шляпу, лежавшую на асфальте, сторублевую бумажку. Гитарист ожег меня взглядом горячих, словно уголья, глаз и сдержанно, с достоинством поклонился.

Мой щедрый жест не остался незамеченным и для многочисленных зевак, обступивших музыкантов. Кто-то в толпе уважительно произнес: «Ого!» и немедленно полез за кошельком. Мое пожертвование вызвало цепную реакцию, и деньги в шляпу потекли рекой.

Чувствуя на себе любопытные взгляды, я поспешила выбраться из толпы и отправилась дальше по проспекту, все еще пребывая в состоянии легкой эйфории. Бродячие музыканты своими напевами придали моим мыслям латиноамериканское направление, и в смутных мечтаниях я видела себя не на исхоженных вдоль и поперек улицах провинциального города Тара-

сова, а где-то там, в таинственной перуанской сельве, на золотых пляжах неповторимого Рио, над которым парит великолепная статуя Христа, на яхте в лазурных водах Карибского моря – и всегда рядом со мной был мой герой – смуглый и белозубый крутой парень Берт, моя виртуальная любовь...

Я наконец решила, как провести этот вечер. Он стоит праздника, и я была намерена устроить его себе. Я вернулась и купила на рынке продукты для праздничного ужина – сегодня это будет бразильская джамбалайя и пунш по-креольски. Бутылка настоящего рома стоила бешеных денег, но мне было не до экономии.

Вернувшись домой, я принялась за дело. Если для мужчины праздник – прежде всего выпивка, то для женщины праздник начинается с генеральной уборки. Я перевернула все вверх дном, протерла и вымыла до блеска каждую вещь, каждый уголок, стряхнула пыль веков с бесчисленных тетушкиных детективов, и в конце концов квартира засверкала, словно готовый к торжественному смотру линейный корабль. В то же время на кухне у меня варилось, жарилось, стреляло раскаленным маслом и благоухало пряностями.

Остаток дня пролетел незаметно. Когда все было готово, на улицах уже стемнело. Можно было подавать на стол. Прежде чем переодеться в вечернее платье, соответствующее моменту, и зажечь свечи, я на минутку вышла на балкон.

Прохладный вечерний ветерок, наполненный звуками и ароматами большого города, охладил мое разгоряченное лицо. Шелестели деревья на тротуаре. Окна в домах напротив светились розовым и голубым светом – и от этого здания казались прозрачными и похожими на плитки мармелада – их даже хотелось попробовать на зуб.

Я не успела в полной мере насладиться красотой вечернего города, потому что в прихожей прозвучал звонок. Признаться, меня это удивило. Дело в том, что я веду достаточно замкнутый образ жизни и не афиширую свой адрес. А специфика моей профессии и подготовка, которую я получила в свое время в разведшколе, приучили меня относиться к любому неожиданному гостю, как минимум, серьезно.

Я на цыпочках подошла к входной двери и осторожно заглянула в глазок. Но ничего не увидела – все поле зрения занимало нечто бесформенное и лиловое. Такое начало не предвещало ничего хорошего. Я выругала себя. Все время собираюсь поставить над дверью компактную видеокамеру, чтобы не попадать в такое глупое положение, как сейчас, но постоянно откладываю это дело на потом.

Пришлось вернуться в комнату за газовым баллончиком. Последнее время я не подписывала никаких контрактов, и никаких таких хвостов за мной, кажется, не тянулось. На первый взгляд мне некого было опасаться. Ну что ж, если бы это было не так, я взяла бы не баллончик, а револьвер.

В глазке по-прежнему царил непонятный фиолетовый цвет. Я накинула цепочку и осторожно приоткрыла дверь, предусмотрительно отступив в тень.

На лестничной площадке стоял мужчина с букетом лиловых ирисов в руках. Он озорно улыбался – видимо, прятаться за букетом цветов казалось ему необыкновенно остроумным. Я редко теряюсь, но сегодня был особенный день. Я онемела.

На моем пороге стоял великолепный гонщик Берт собственной персоной. То есть актер Алексей Овалов, если говорить официальным языком. Но какая уж тут официальность, когда все происходящее было похоже на рождественскую сказку! Или у меня поехала крыша. Иначе как он нашел в миллионном городе единственную свою самую искреннюю и восторженную воздыхательницу!

– Добрый вечер! – бархатным голосом произнес Овалов. – Вы Евгения Максимовна Охотникова, я не ошибся?

Я кивнула, недоверчиво разглядывая его с головы до пят. Теперь на нем была короткая замшевая куртка и белые джинсы, пожалуй, тесноватые для нынешней моды. Вокруг шеи

был повязан шелковый платок. Пытаясь осмыслить происходящее, я без колебаний откинула цепочку и молча распахнула дверь.

Гость протянул букет и сказал:

– Это вам... Можно, я войду?

Я машинально взяла цветы и снова кивнула – теперь он, должно быть, точно решил, что я немая. Овалов довольно уверенно вошел в квартиру и сразу же направился за мной в комнату, не пытаясь расстаться в прихожей со своей обувью. Мне это понравилось – терпеть не могу, когда гости толкуются в коридоре, сбрасывая ботинки и выискивая в куче обносков тапочки по ноге.

Он поступил иначе и вошел в мою комнату по-европейски. Но тут же остановился, с сомнением уставившись на изящно сервированный стол. В голосе его послышалось разочарование.

– Вы кого-то ждете? – спросил он.

Я нервно засмеялась. Если покопаться в моих сегодняшних побуждениях и фантазиях, то вполне можно сделать вывод, что ждала я именно его. Но признаваться в этом было никак нельзя – все-таки я ждала тень, а он явился во плоти.

– Вообще-то никого, – ответила я, впервые открыв рот. – Но если вам нравится джамбалайя по-бразильски, присоединяйтесь!

Овалов смущенно улыбнулся.

– Откровенно говоря, я пришел к вам по делу, – произнес он с обезоруживающей интонацией. – И мне бы не хотелось злоупотреблять вашим гостеприимством...

По делу? Мои дела обычно имели весьма специфические особенности. Неужели? Додумать эту мысль мне мешало странное ощущение, что со мной не все в порядке. Сосредоточившись, я поняла, что меня беспокоит – я опять предстала перед мужчиной моей мечты в наряде Золушки! Чтобы скрыть досаду, я занялась букетом. Налила воду в вазу и поставила в нее лиловые цветы. Ирис означает постоянство и красоту, но, с другой стороны, в Японии, например, ирис и воинский дух обозначаются одним иероглифом, а в древней Аравии эти цветы и вовсе были символом печали. Какой же смысл скрыт в этом свежем букете?

– Кто дал вам мой адрес? – спросила я.

– Собственно, дали мне номер вашего телефона, – пояснил Овалов. – Остальное, сами понимаете, дело не такое уж и сложное... У меня талант – выискивать иголку в стоге сена. Однако я, кажется, не представился...

– Алексей Овалов. Киноактер. Имел большой успех, исполнив роль автогонщика Берта в кинофильме «Режущая цепь», – отчеканила я.

Его брови поползли вверх.

– Ничего себе... – вымолвил он озадаченно. – Я не ожидал, что моя популярность распространилась так широко.

Я не стала рассказывать о своих тайных пристрастиях.

– Кино – мое увлечение, – объяснила я коротко. – И потом, у вас действительно был успех.

Глаза Овалова затуманились.

– М-да... – проронил он с заметным усилием.

– Что же мы стоим? – спохватилась я. – Присаживайтесь. Выпьете чего-нибудь? Могу предложить креольский пунш...

– Это, видимо, ром с сиропом? – повеселевшим голосом поинтересовался Овалов, опускаясь в кресло. – Я предпочел бы чистый, но, повторяю, ни в коем случае не хочу злоупотреблять вашим терпением.

– Чепуха, – ответила я очень серьезно. – Я – ваша горячая поклонница, и в моем доме вы – почетный гость.

Овалов внимательно посмотрел на меня.

– Вот как? – проговорил он странным голосом и достал из кармана пачку «Голден Америкэн». – Не возражаете? – Кажется, он чувствовал себя не до конца уверенно и торопился спрятаться за дымовой завесой.

Я подвинула поближе пепельницу и спросила:

– И по какому же делу вы ко мне пришли?

– Хочу просить вас поработать моим телохранителем, – сообщил он, обретая с первой затяжкой обычную раскрепощенность. – На время моего пребывания в этом чудесном городе.

Эти мгновенные смены настроения не ускользнули от моего внимания. С ним явно что-то было неладно, и его просьба только подтверждала это.

– Вам угрожает опасность? – спросила я.

Овалов тихо рассмеялся.

– Ну что вы! – добродушно воскликнул он. – До этого дело не дошло. Просто хочу отдохнуть как следует. У меня некоторые проблемы со здоровьем – нервы. Не хочется лишних контактов. Все-таки популярность... Видите, и вы меня узнали. А если узнает какой-нибудь неуравновешенный тип? В наше время известность иной раз опасна...

Я села в кресло напротив него. Красивый, раскованный, со смеющимися голубыми глазами, он вовсе не казался больным. И я знала, что телохранителей не нанимают по таким смехотворным поводам. Если ты, конечно, не миллионер и не мировая знаменитость, физиономия которой глядит с каждой витрины. Но наваждение было так велико, что я почти поверила ему.

– Вы долго думаете пробыть в Тарасове? – спросила я, наклонив голову, чтобы он не видел выражения моих глаз. Голос мой, кажется, прозвучал достаточно сухо, и рука, разливавшая в бокалы ром, не дрогнула.

– Ну-у, думаю, месяц, – неопределенно ответил Овалов. – Может быть, больше... Нет, месяц! Именно так.

– Я беру по двести долларов в сутки, – предупредила я, поднимая бокал с янтарным напитком. На самом деле я не взяла бы с него ни копейки. Думаю, что подсознательно мне просто хотелось отпугнуть его.

Овалов улыбнулся мягкой и щедрой улыбкой.

– Нет проблем, – спокойно согласился он и, осторожно коснувшись своим бокалом моего, медленно выщедил сквозь зубы весь ром до последней капли, даже не стерев с губ улыбки.

– Вы пьете, как морской волк, – не удержалась я.

– Мне приходилось быть и в этой шкуре, – подтвердил Овалов. – Вживаешься в образ на время, а навыки приобретаешь на всю жизнь...

Я ограничилась единственным глотком – напиток обжигал, словно жидкий огонь.

– Однако вернемся к нашим баранам, – напомнила я. – Как вы представляете себе мою работу?

Овалов легкомысленно помахал в воздухе рукой.

– Ну-у... Я думал, что вы будете везде сопровождать меня. Музеи, рестораны, театры... Мы будем весело проводить время, а вы будете следить за тем, чтобы никто меня не обидел.

Я кивнула.

– Надеюсь, по ночам мое присутствие не понадобится? Где вы остановились?

Овалов на секунду нахмурился.

– Пока нигде, – неохотно ответил он. – То есть я оставил вещи у своего приятеля, друга юности – кстати, это он дал мне ваш телефон – но, кажется, у него семейные проблемы, – он с надеждой взглянул на меня. – Может быть, вы мне что-то посоветуете? А знаете, я ведь родом отсюда! Но столько лет! Город совершенно изменился – я не узнаю ни улиц, ни людей. Я чувствую себя совсем чужим!

В глазах его в этот миг было столько трогательной беспомощности, что я неожиданно для себя самой ляпнула:

– Если речь идет о месяце, вы можете пожить у меня. Разумеется, если вас это устроит. – Язык мой – враг мой, но, кажется, сегодня я до конца собралась быть романтической.

Овалов посмотрел на меня с благодарностью и не стал ломаться:

– Вы очень меня обяжете! – горячо заявил он. – Разумеется, за квартиру я плачу отдельно! Пятьдесят долларов в сутки будет достаточно?

Кажется, ему приходилось бывать и в шкуре миллионера, во всяком случае, навыки у него имелись.

– У нас квартплата гораздо ниже, – успокоила я его. – Не перебарщивайте!

– Нет-нет, я плачу! – заявил Овалов. – Вы – мой ангел-хранитель!

Он заметно воодушевился и предложил тут же отметить сделку, прикончив бразильский ужин.

– Раз уж все на столе, – сказал он и добавил значительно: – Это – судьба!

Он ел с большим аппетитом и пил, не пьянея, он сыпал шуточками и комплиментами и совершенно очаровал меня. Горели свечи, играла тихая музыка, в его шальных глазах плясали манящие огоньки.

А потом случилось то, что и должно случиться в романтической сказке. Мы танцевали – одни в пустой квартире, все теснее и теснее прижимаясь друг к другу, а потом внезапно и страстно впились друг в друга губами, едва не задохнувшись от бесконечного поцелуя.

– У меня такое чувство, – проговорил он, с сожалением отрываясь от моих губ, – что все это во сне. Что я снимаюсь в самом лучшем своем кино, в шедевре всех времен и народов...

– Кино – великий обманщик, – напомнила я.

– И великий утешитель, – возразил великолепный Берт.

ГЛАВА 2

– Это была удивительная ночь! Вряд ли я когда-то позабуду ее. – Овалов произнес это очень серьезно, пристально глядя мне в глаза.

В окна спальни било ослепительное солнце. Снаружи слышалось осторожное царапанье воробьиных лапок по жестяному карнизу. По дому разносился аромат свежеприготовленного кофе. Мужчина моей мечты был очарователен до конца – и кофе я пила прямо в постели. А он сидел рядом, глядя на меня ласковыми и мудрыми глазами.

Ночь, действительно, выдалась удивительная, и ее на самом деле не хотелось забывать. Овалов оказался любовником умелым и нежным, и ни на секунду не вышел из идеального образа, который сложился у меня в воображении. Я была счастлива.

Будет ли у этой незабываемой ночи продолжение – мне не хотелось загадывать. Это зависело от нас обоих, а больше от Судьбы, которую лучше не дразнить. Но в глубине души я надеялась на лучшее. Ведь подарила же судьба мне этот единственный, невозможный шанс! Миллионы школьников влюбляются в киногероя, но кто из них может всерьез рассчитывать на взаимность?

Утренний кофе как-то незаметно закончился новыми объятиями и поцелуями. А потом мы, совершенно обессиленные, завтракали на залитой солнцем кухне, обмениваясь на первый взгляд необязательными, но так много значившими для нас обоими словами. Я испытывала чувство необыкновенного покоя и удовлетворенности. Если бы тетя Мила могла видеть меня в эту минуту!

После легкого завтрака и бодрящего десятиминутного душа я наконец вспомнила о своем заветном желании и переоделась, чтобы предстать перед Оваловым не в обличье Золушки, а в облике принцессы. Я выбрала легкое ярко-желтое платье. Этот радостный ликующий цвет как нельзя лучше гармонировал с моим душевным состоянием. Минут тридцать я билась над прической, но мои усилия были вознаграждены в полной мере. Когда я предстала перед Оваловым с новым, как теперь говорят, имиджем, он не смог сдержать восхищенного восклицания.

Я насладились произведенным эффектом и спросила:

– Итак, куда мы отправимся сегодня, мой повелитель?

Овалов привлек меня к себе, мягко сжав мои плечи, и умоляюще проговорил:

– Знаешь, я не испытываю желания выходить из этого дома. Давай проведем весь месяц здесь, в этой прекрасной спальне?

– Э, нет! – капризно ответила я. – Мне были обещаны театры, рестораны и... что там еще?

Овалов смущенно улыбнулся, сел в кресло и немного неуверенно произнес:

– Видишь ли... После того, что произошло, мне, наверное, следует объявить наш вчерашний контракт... э-э... расторгнутым? То есть, – поспешно добавил он, – рестораны и музеи остаются, естественно, в силе. Просто мне придется поискать другого телохранителя... Для нас обоих!

Я победоносно улыбнулась.

– Просто! – сказала я. – Это как раз будет совсем не просто! Телохранителя моего уровня тебе придется искать о-очень долго. Но не волнуйся, я согласна выполнить эти обязанности на общественных началах. По совместительству!

Овалов, казалось, был в замешательстве.

– Нет-нет! Это невозможно!

– Но я настаиваю!

Он задумался на минуту, а потом махнул рукой.

– Впрочем, ты права, – сказал он, засмеявшись. – Но не воображай, что я попытаюсь увильнуть от оплаты. Все будет как договорились.

– Ладно, – прервала я его. – Не будем сейчас об этом. Итак, куда же мы отправимся?
Овалов снова замялся.

– Видишь ли... Есть одно обстоятельство. Мне совершенно необходимо забрать свои вещи. Я оставил их у того самого приятеля. Самому мне ехать туда неудобно. Дело в том, что вчера мы сильно повздорили. Не буду уточнять, кто виноват в ссоре, но, боюсь, отношения окончательно испорчены. Если я попрошу тебя съездить за моим чемоданом, ты не воспримешь это как откровенное нахальство?

Он с надеждой взглянул на меня.

Момент, скажем прямо, был совсем не тот, когда с энтузиазмом впрягаешься в работу, особенно если это работа носильщика, но колебалась я ровно секунду. Мой внутренний диспетчер, привычка подчиняться которому была за долгие годы выработана и доведена почти до автоматизма, все уже решил.

– Разумеется, восприму, – услышала я собственный голос, – но я обожаю нахалов!

Овалов порывисто вскочил и обнял меня.

– Мне придется сильно постараться, чтобы загладить свою вину, – шепнул он.

– Да уж, придется! – сказала я и поскорее выскользнула из объятий, опасаясь, что иначе возвращение блудного чемодана будет отложено весьма на неопределенный срок. – Говори скорее, куда нужно ехать!

Он назвал адрес. Ехать предстояло на улицу Магнитную – практически на окраину города. К счастью, не самую дальнюю. Я послала Овалову с порога воздушный поцелуй и отправилась за чемоданом.

Первым делом мне нужно было забрать из автосервиса свой «Фольксваген». У него начала барахлить коробка передач, и пару дней назад я отдала его в руки своему знакомому механику Паше, который пообещал сделать все быстро и в наилучшем виде.

Слово свое Паша сдержал. Передавая мне ключи, он уверенно буркнул:

– Лучше новой будет бегать! Я тебе масло сменил и залил полный бак. – А присмотревшись ко мне, добавил с некоторой завистью: – А ты чего вся светишься? В лотерею выиграла, что ли?

– Да, Паша, – весело подтвердила я. – Джек-пот мой!

Он недоверчиво покачал головой.

– А ты все-таки не расслабляйся, – посоветовал он. – Жизнь, она, знаешь, как зебра: полоска светлая, полоска черная...

Я пообещала не расслабляться и села за руль. В словах Паши был немалый резон, и впервые за два дня я попыталась сосредоточиться и взвешенно оценить создавшуюся ситуацию. Это было совершенно необходимо, так как, по сути дела, я уже приступила к исполнению своих профессиональных обязанностей и, несмотря на личные мотивы, не имела права относиться к ним легкомысленно.

«Фольксваген» весело бежал по сверкающим зеленым улицам. На небе не было ни единого облачка. В душе у меня пели скрипки, но я заставила себя собраться с мыслями и взглянуть на все со стороны.

И тут же на поверхность всплыли все несуразности, которые я великодушно выпустила из виду при первом знакомстве. Если вчера сам факт появления Овалова в моей квартире показался чудом, то сегодня скрепя сердце я потребовала объяснений этому факту.

Во-первых, почему, появившись в городе, забытый всеми киноактер заботится о своей безопасности, не смущаясь ценой? Разговоры о докучливых поклонниках не выдерживают никакой критики. Он несомненно кого-то опасается.

Во-вторых, с какой целью он вернулся в родной город? Не для того же, чтобы повстречаться со мной и поругаться с другом! Скорее всего он выбрал Тарасов, как тихую гавань, где можно переждать бурю. То есть – смотри пункт первый.

И, в-третьих, почему он не поехал за собственным багажом, а отправил за ним женщину, которая ему, по меньшей мере, симпатична? Варианты ответа могли быть разными, но следовало признать, что некоторые расхождения с экранным образом Овалова уже намечались. Жизненный опыт подсказывал мне, что это еще цветочки и главные разочарования впереди.

Овалов назвал мне фамилию своего приятеля – Цаплин. Я порылась в памяти и вспомнила, что несколько лет назад имела дело с неким Цаплиным, торговцем радиоэлектроникой, – у него были проблемы с рэкетом. Пожалуй, по возрасту он действительно мог быть другом юности моего кумира, хотя внешне с Оваловым они отличались разительно – Цаплин уже тогда был толстоват, лысоват и весьма зауряден.

Кстати, отметила я про себя, мой избранник ведет на редкость интенсивный образ жизни – в первый же день приезда умудрился найти женщину-телохранителя и разругаться с приятелем – он явно был человеком, напрашивающимся на приключения.

Я затормозила возле нужного дома. Это была кирпичная девятиэтажка, подъезды которой оборудованы домофонами и кодовыми замками. Мне, однако, не пришлось себя утруждать – когда я подошла к подъезду, дверь как раз открылась, чтобы выпустить группу жильцов, и я без препятствий проникла в дом.

Квартира Цаплина находилась на третьем этаже. Я поднялась по лестнице и приготовилась нажать на кнопку звонка. Однако дверь в коридорчик тоже оказалась незапертой. Когда же я обнаружила, что приоткрыта и дверь в квартиру, у меня появился повод насторожиться.

Слегка толкнув дверь, я осторожно заглянула в квартиру. И сразу же увидела распростертое на полу тело. В прихожей царил полумрак, но, присмотревшись, я поняла, что лежащий на полу человек не кто иной, как хозяин. Вокруг его головы по линолеуму расплзлось темное влажное пятно. Вдобавок в прихожей висел явственный запах слезоточивого газа. Из глубины квартиры доносились звуки какой-то возни.

Пока я прислушивалась, Цаплин неожиданно поднял голову. Лицо его было искажено гримасой боли и залито кровью. Не произнеся ни звука, он трясущейся рукой предостерегающе указал в сторону комнаты, откуда доносился непонятный шум. Значит, нападавшие, кто бы они ни были, находились еще там.

Я выругала себя за непростительное легкомыслие. Если бы я вовремя проанализировала ситуацию, то не отправилась бы за чемоданом с пустыми руками. А так теперь в моем распоряжении находилась только сумочка с бесполезными женскими принадлежностями. Я озабоченным взглядом окинула прихожую, и на глаза мне попала разборная десятикилограммовая гантель – видимо, время от времени хозяин квартиры вспоминал о необходимости следить за своим здоровьем.

Я выпотрошила сумочку и, развинтив спортивный снаряд, положила на дно два тяжелых металлических диска. Теперь у меня в руках была не сумочка, а некое подобие кистеня или пращи, если угодно.

Потом я наклонилась и пощупала пульс у раненого – сердце билось учащенно, но ровно, и можно было надеяться, что оно не остановится, пока я буду разбираться с налетчиками. Я сбросила туфли и неслышными шагами добралась до комнаты, откуда доносились непонятные звуки.

Через приоткрытую дверь я увидела двоих крайне озабоченных мужчин, которые занимались тем, что методически переворачивали в комнате все вверх дном. Они явно что-то искали. Вернее, уже нашли.

Когда я увидела, что именно они нашли, сердце мое болезненно сжалось, потому что начинали сбываться все самые худшие опасения. В руках грабителей был дорогой дорожный чемодан песочного цвета! Они намеревались его тут же открыть, но, не зная кода, собирались использовать для этого большой нож, похожий на мачете.

Откровенно говоря, я бы тоже не отказалась взглянуть на содержимое чемодана, но подумала, что, допустив порчу замков, поступлю все-таки непрофессионально, и включилась в игру. С испуганным аханьем и беспомощно открытым ртом я ввалилась в комнату, постаравшись сразу же по возможности сократить расстояние между собой и бандитами.

В наше время внешность мало что говорит о социальном статусе человека, но в данном случае ошибки быть не могло. На физиономиях этой парочки был словно наклеен список всех возможных пороков. Звериная жестокость шла там, кажется, вторым номером. Я поняла, что действовать надо быстро и наверняка.

У первого была короткая стрижка борца-тяжеловеса, да и комплекцию он имел соответствующую. Второй был худощав, жилист и суетлив. На смуглом узком лице он любовно отрастил тоненькие тараканы усыки. Оба были одеты в просторные пиджаки, из чего я безрадостно заключила, что скорее всего им есть, что под этими пиджаками скрывать. Моим же главным оружием оставалась внезапность.

Итак, изображая из себя испуганную домохозяйку, я скользящим шагом успела подобраться к грабителям довольно близко, когда они наконец сообразили, что в комнате, кроме них, кто-то есть. Худой поднял голову и с тревожным удивлением сказал:

– Бля, Череп, а это что за кобыла нарисовалась?

Меня такая характеристика задела за живое. Я не считаю свою фигуру идеальной, но «кобыла» – это явный перебор. К пижону с усиками у меня теперь появилась весьма личная неприязнь.

Тяжеловес повернул ко мне круглое неподвижное лицо и, напряженно подумав, встал. У него был узкий лоб и злые, без единой мысли глаза.

– Тихо, детка! – хрипло предупредил он.

Усатый тоже поднялся, неприятно ухмыляясь. Они, кажется, не особенно беспокоились, упуская из виду, что мое поведение не совсем типично для испуганной домохозяйки. Череп решил избавиться от проблемы единственным разящим ударом и от души, по-русски размахнулся. Мужчинам вообще нелегко себе представить, что женщина способна составить им конкуренцию в каком-либо виде деятельности, а уж там, где есть сила и не надо ума, им просто нет равных. Поэтому этот бычара нисколько не заботился ни о маскировке удара, ни о защите – он рассчитывал смахнуть меня, как муху.

Я выждала момент, когда пудовый кулак со свистом понесся мне в лицо, и, изящно уклонившись, подхватила тяжеловеса за рукав, усилив и продолжив движение его карающей десницы. Череп не поскупился и вложил в удар весь свой огромный вес.

За моей спиной была стена, и именно в нее с хрустом и грохотом врезался пролетевший мимо цели кулачище. Стена была несущая, и, думаю, именно поэтому ему не удалось ее своротить. Мне показалось, что содрогнулся весь дом.

Вопль тяжеловеса был ужасен – последний раз он, наверное, так кричал, явившись в этот неласковый мир из утробы матери. Но я не собиралась его утешать – все внимание было сосредоточено теперь на втором налетчике, который уже начинал что-то соображать.

Во всяком случае, он проворно полез за пазуху. Я не стала дожидаться, что за сюрприз он мне приготовил, и молниеносно взмахнула сумочкой. Моя импровизированная праща с глухим стуком припечаталась к правой ключице усатого. Он коротко вскрикнул и отшатнулся. Рука его повисла как плеть, и на пол упал тяжелый пистолет с рифленой рукояткой.

Через секунду он уже лежал на моей ладони. Усатый посмотрел на меня с болью и ненавистью, но, кажется, смирился. Пересиливая себя, он бочком пробирался к своему напарнику, который, сидя на полу с бессмысленным выражением лица, нянчил свой на глазах распухший кулак.

Чтобы не допустить дальнейших неожиданностей, я держала обоих под прицелом. Желания усеивать поле боя трупами я не испытывала, поэтому бегству налетчиков препятствовать

не стала. Не сводя глаз с пистолета, бандиты ретировались, поддерживая друг друга и шипя от боли. Я проводила их до дверей и слегка успокоилась только тогда, когда услышала, как молодчики сели в кабину лифта.

На моей шее еще висел раненый Цаплин, и я поспешила ему на помощь. Он был очень бледен, но кровь уже остановилась. Встать он не мог, и, подхватив под мышки, я отволокла его на кухню. Разыскав аптечку, я промыла и перевязала рану. Цаплин тихо стонал. Я предложила вызвать «Скорую помощь», но он наотрез отказался.

– Ни «Скорой помощи», ни милиции! – пробормотал он. – У меня и так море проблем. Мне только не хватает вляпаться в эту историю... Достаточно того, что я втравил в нее вас... Вы же пришли за чемоданом Овалова, верно?

Я кивнула.

– Они, кажется, тоже... – с усилием продолжал Цаплин. – Они позвонили и назвались в домофон Оваловым. У нас тут хреновая акустика – я был введен в заблуждение. Когда я открыл дверь, они брызнули газом и врезали мне пистолетом по голове... Спросили про чемодан, но сразу же начали искать сами.

– Как вы думаете, откуда они узнали ваш адрес?

– От Овалова, откуда же еще? Кто может знать о моем существовании за пределами нашего города?

– Вы думаете, что эти типы не местные? – спросила я.

– Похоже на то, – проговорил Цаплин, делая попытку сесть. – И, думаю, они довольно близко знали Овалова...

Он все-таки сумел сесть на пол и попросил воды. Я подала ему стакан и попутно констатировала, что на мое великолепное платье попали капли крови.

– А если они вернуться? – спросила я Цаплина.

– Я забаррикадируюсь и буду ждать их с ружьем в руках, – сообщил он. – Ребятам позвоню... У меня все-таки есть свои контакты. Но, – сказал он после секундного раздумья, – если будет совсем туго – скажу, что чемодан увезла незнакомая мне женщина. Уж не обессудьте!

– Ладно, – согласилась я. – Только в таком случае я воспользуюсь вашим телефоном, чтобы увезти чемодан как можно заметнее!

Цаплин кивнул. Я позвонила в два транспортных агентства и сделала два заказа – один на десять часов утра, второй на десять-десять. Первый грузовик должен был отвезти большую коробку, наполненную всяким хламом, на другой край города. Я намеревалась участвовать в погрузке лично, чтобы у бандитов, которые наверняка уже вызвали подмогу, не осталось никаких сомнений, что увозят интересующую их вещь. А через десять минут после отправки груза я намеревалась тихо сесть во второй грузовик – с чемоданом. Нельзя было исключить возможности, что кто-то все-таки останется дежурить возле дома, но я продумала кое-какие меры безопасности, а еще надеялась, что мне очень крепко повезет. Вмешивать в это дело милицию я тоже не хотела.

А еще я позвонила механику Паше и, сообщив адрес, попросила забрать мой «Фольксваген», сославшись на потерю водительских навыков. Паша хмыкнул, уточнил размер оплаты и пообещал сделать все незамедлительно.

Сделав заказы, я по просьбе хозяина достала из сейфа и зарядила охотничье ружье. Сам он сумел перебраться на кухонный табурет, а когда почувствовал под рукой приклад верного «зауэра», совсем приободрился.

– У вас дома есть какие-нибудь женские вещи? – спросила я. В мои планы входило переодевание.

Лицо Цаплина сделалось кислым, и он нехотя признался, что такие вещи у него есть.

– Только вещи и остались, – махнул он рукой. – Сама женщина вчера ушла – к маме. Я ужасно переживал, а получилось – к лучшему. У моей жены ведь нет боевой подготовки, – неуклюже пошутил он. – Лежала бы сейчас рядом...

Меня осенило.

– Ссора с Оваловым, – воскликнула я, – произошла из-за вашей жены?!

Он тоскливо посмотрел на меня и кивнул.

– Угадали, – сознался он, пряча глаза. – Я принял его от души, а он... Конечно, тут и жена виновата... Она моложе меня на двадцать лет, красивая... Сейчас такие браки не редкость, если у мужа денежки шевелятся. Но природу не переделаешь, – не поднимая головы, глухо продолжал он. – Конечно, Овалов – мужик видный, не мне чета. Если бы не факт, что мы друзья, я бы и бровью не повел – пускай бесится! А так выходит, и она меня предала, и он – туда же!

– А что, собственно, между ними произошло? – поинтересовалась я, скрывая запоздалую ревность.

– Я застукал их на кухне, – отчеканил Цаплин. – Когда они целовались. – Видимо, этот факт очень огорчал его – бледное лицо Цаплина даже порозовело от волнения.

– Я вас очень понимаю, – сказала я с иронией, которой он, слава богу, не понял. – Однако мне придется пока оставить вас одного и пошарить среди вашего барахла – мне нужно вывезти этот проклятый чемодан так, чтобы никто ничего не понял. У вас есть большая коробка?

Цаплин задумался.

– Кажется, на балконе валяется коробка из-под телевизора, – ответил он и, в свою очередь, с любопытством посмотрел на меня. – Этот... хлюст, видимо, хорошо вам платит, если вы так стараетесь?

– Да, он не скупится, – подтвердила я.

Действительно, на балконе обнаружилась довольно вместительная коробка, в которую я напихала не очень нужного, по моему мнению, Цаплину барахла – с таким расчетом, чтобы вес коробки соответствовал весу песочного чемодана. Нагруженную коробку я отволокла в прихожую и занялась непосредственно чемоданом.

Я обмотала его цветастыми шторами и перевязала бельевой веревкой. Элегантный чемодан превратился в неаккуратный разноцветный ком. Маскировка была не ахти, но на что-то иное не хватало времени. Я надеялась, что для этих кретинов идентифицировать чемодан со свертком будет непосильной задачей.

И еще я позаимствовала из гардероба хозяйки самое простенькое и бесцветное платье, какое там нашлось. После отправки фальшивого груза я собиралась преобразиться в невзрачное тихое существо. Кажется, все было готово. Я взглянула на часы – было без двух минут десять. Теперь все зависело от расторопности транспортного агентства, но я пообещала щедрые чаевые.

Ровно в десять в динамике домофона раздался грубый голос, осведомившийся, заказывали ли машину. Я ответила утвердительно и велела грузчикам подниматься. На всякий случай я выбросила из сумочки стальные диски и взамен положила трофейный пистолет.

Через минуту я услышала лязг лифта на лестничной площадке. Я прикрыла кровавую лужу на полу крышкой от стиральной машины и приотворила дверь на кухню – у меня не было твердой уверенности, что у работников агентства достаточно крепкие нервы. Наконец я пошла открывать.

Грузчики ввалились, стуча башмаками, и без предисловий спросили, что тащить. Я указала на коробку, и они тут же подхватили ее. Оказавшись на улице, я постаралась привлечь к своей особе максимум внимания – я бурно жестикулировала и противным голосом отдавала грузчикам противоречивые команды. Когда погрузка все-таки закончилась, я расплатилась и

повторила адрес. Насколько мне было известно, по этому адресу размещался интернат для слабовидящих.

Фургончик тронулся и выехал со двора. Я незаметно наблюдала, что будет дальше. И не ошиблась – незадачливые грабители уже вызвали подмогу. После недолгого замешательства со дворовой стоянки сорвался черный «Опель-Кадет» с тонированными стеклами и устремился в погоню за фургоном.

Выждав еще минуту, я вернулась в квартиру. Цаплин встретил меня у дверей с двустволкой в руках – он явно шел на поправку.

Время поджимало. Я прошла в спальню и быстро переоделась. Я смыла косметику и сделала из прически немыслимый узел на затылке. Результаты меня обнадеживали – в зеркале я увидела дурнушку с маленькой цыплячьей головкой, наряженную в платье с чужого плеча.

Свое желтое, испачканное кровью, я затолкала в сумочку поверх пистолета. Едва я покончила со всем этим – прибыла вторая машина.

Подхватив свой баул, я направилась к выходу.

– Надеюсь, все утрясется, – не очень уверенно сказала я хозяину. – Только не давайте им номер моего телефона.

Я спустилась на первый этаж и вышла из подъезда. Двое грузчиков в синих комбинезонах встретили меня на крыльце. Я передала им чемодан и пошла к фургону, краем глаза наблюдая за автостоянкой. Ничего подозрительного я не увидела и забралась в фургон.

Грузчики захлопнули дверцы, и машина выехала со двора. Я почти успокоилась – мне показалось, что трюк мой вполне удался. Однако не прошло и минуты, как мне пришлось убедиться в своей ошибке – за нами тоже неотступно следовал черный автомобиль с тонированными стеклами!

ГЛАВА 3

Мы свернули на одном углу, на другом – проклятый катафалк не отставал. Значит, бандиты все-таки подстраховались. Автомобиль был похож на первый как две капли воды, но пристрастие этих «крутых мэнов» к простым числам позволяло без труда запоминать их номера. Если на первом гордо красовались три колючие как пики единицы, то наши преследователи выбрали себе три двойки. Видимо, в школе это была их любимая отметка.

Итак, мне оставалось надеяться, что умственные способности амбалов уступают их настырности, и я решила попробовать еще раз навести этих ореликов на ложную цель. Я постучала в окошко кабины и спросила у молчаливых ребят из агентства, как относятся они к сотне баксов.

– Хорошо относимся, – ответили они, подумав. – Но нас двое.

– Пусть будет двести, – согласилась я, потому что время было не на моей стороне. – Что вы мне можете немедленно предложить за двести долларов, чтобы оно, замотанное в тряпки, сошло за мой груз?

Ребята посоветовались и предложили две большие канистры, которые лежали под сиденьем, накрытые мешковиной. Я распеленала злосчастный чемодан и закутала в цветастую материю канистры, надежно перевязав их затем веревкой. Надеюсь, Цаплину сейчас будет не до штор, и он не станет предъявлять мне претензий.

На перекрестке возле универсама ребята собирались повернуть направо, но я решительно потребовала на секунду притормозить.

– Ждете меня с грузом по назначенному адресу, – быстро сказала я. – Деньги при встрече! – и выскочила из машины.

Даже по непроницаемым тонированным стеклам было заметно, что двоечников охватила легкая паника. Увидев меня, улепетывающую с загадочным баулом в руках, они немедленно остановились. Держа их в поле зрения, я пересекла улицу, лавируя среди движущегося транспорта.

Мой фургон беспрепятственно свернул на боковую улочку и исчез. Если бы эти охладомоны все же догадались преследовать его, я была готова применить крайние меры, а именно – стрельбу по покрывкам. На этой шумной улице подобный трюк мог даже пройти незамеченным.

Но, к счастью, до стрельбы дело не дошло. Из «Опеля» выскочили двое и сломя голову помчались за мной вдогонку. Если бы не неизменные пиджаки на плечах, они более всего были бы похожи на двух озабоченных горилл, несущихся за связкой бананов.

Я слышала за спиной визг тормозов, предостерегающие гудки и, наконец, трель милицейского свистка. Меня эти звуки уже не касались, потому что я добралась-таки до дверей универсама. Моих конкурентов, впрочем, правила тоже не смущали – они попросту отмахнулись от постового и, чуть ли не перепрыгивая через капоты автомобилей, быстро нагоняли меня. Туфли на довольно высоких каблуках затрудняли кросс по пересеченной местности. Но в универсаме, забитом людьми, как троллейбус в час пик, преимущество братков, надеялась я, должно было как бы сгладиться.

Состроив совершенно безумную мину на лице и выставив вперед свой неопиcуемый груз, я начала беспардонно пробиваться сквозь толпу. Люди выражали мне неодобрение, и подчас в весьма грубой форме, но тем не менее исправно шарахались от меня, словно от неуправляемой вагонетки. Таким образом мне без помех удалось добраться до зала, который за счет многочисленных стеклянных витрин потерял, наверное, добрых восемьдесят процентов своей площади и превратился в узкий коридор, в котором с трудом могли разминуться два человека. Прибавьте к этому монолитную толпу женщин, замороженно созерцающих чудеса импортной

косметики и отечественной ювелирной промышленности, и вы поймете, в какой мышеловке я оказалась.

В другое время я сама с удовольствием поглазела бы на продукцию фирм «Шанель» или «Армани», но теперь меня больше привлек бы зал спортивной обуви. Преследователи неумолимо настигали меня. Что ж, решила я, у этого места есть свои преимущества, если ты задумал показать, кто есть кто.

Сзади надо мной уже нависала разгоряченная туша первого бандита, и его длинные нетерпеливые ручищи обхватывали с обеих сторон, преследуя единственную цель – завладеть драгоценным грузом. Меня как действующее лицо в расчет не принимали. Наверное, Череп с приятелем в своем отчете опустили некоторые детали.

Тем лучше. Я внезапно остановилась, и преследователь налетел на меня, на секунду потеряв координацию. Не раздумывая, я вдавила острие каблука в подъем его правой стопы. Если правильно распределить вес тела, это производит неизгладимое впечатление. Сзади раздался негодующий болезненный шип, и руки, обхватившие было меня, исчезли. Я мгновенно обернулась. Второй бандит, нетерпеливо отпихивая незадачливого товарища, рванул влево, чтобы обойти его. Я лишь слегка помогла его порыву. Он шагнул чуть дальше, чем рассчитывал, и всей тушей врезался в трехъярусную прозрачную витрину ювелирного отдела, которая раскололась и развалилась с ошеломляющим грохотом, усыпав все вокруг осколками стекла и золотыми украшениями.

Все на секунду застыли. Все, кроме меня. Я немедленно продолжила свой путь и к тому времени, когда торговцы смогли наконец должным образом осознать степень случившегося безобразия, была уже у выхода. Ювелиры очень ценят тишину и порядок, и можно было надеяться, что мой «хвост» вряд ли уйдет от них без удовлетворительных объяснений. Это давало мне еще некоторое преимущество во времени, но его следовало использовать с максимальной пользой.

Я взлетела на второй этаж и попала в отдел женской одежды, где купила себе новое платье. Наверное, еще ни одна женщина в мире не приобретала обновку с такой скоростью. Но мне сейчас было не до расцветок и фасонов.

Бросив покупку в сумочку, я побежала дальше. Миновав несколько торговых секций, я снова спустилась на первый этаж и укрылась в женском туалете.

Теперь можно было на секунду перевести дух. В этом благословенном уголке моя взмыленная фигура с узлом в руках не вызывала ни у кого недоумения. У некоторых посетительниц вид был еще несчастнее, а поклажа еще весомее и диковиннее. Я скромно поставила свой муляж к стеночке и прошла в отдельную кабинку, где переоделась в новое платье.

Интуиция меня не подвела – когда я взглянула в настенное зеркало, то убедилась, что платье цвета тины, с погончиками на плечах достаточно удачно облегает фигуру. Я распустила волосы и стала похожа на дисциплинированную контрактницу из взвода связи – не хватало только пилотки с кокардой. Во всяком случае, заполошная провинциалка с баулом исчезла, и это очень меня обнадежило. Единственное, что нас с ней теперь связывало – это дамская сумочка, в которой лежали деньги, пистолет и окровавленное платье. Но еще ни одна разведка мира не научилась видеть дамские сумочки насквозь.

Я вышла на улицу и уже без происшествий добралась до троллейбусной остановки. Никакой беготни и стрельбы в пределах видимости не отмечалось, и это позволило мне целиком сосредоточиться на чемодане. Какого-либо подвоха со стороны служащих транспортного агентства я не предполагала – в наши трудные времена ребята вряд ли предпочтут постоянной работе и верным двум сотням баксов какой-то сомнительный чемодан. Неприятности могут начаться, если двоечники в пиджаках все-таки нападут на след.

Адрес, по которому я отправила второй фургон, находился в двух кварталах от моего дома. Там был тихий дворик и достаточно места, чтобы поставить машину так, чтобы ее не

заметили с проезжей части. Ребята в синих комбинезонах встретили меня со сдержанной радостью, хотя признали не сразу. Мой невинный маскарад их немного напряг, и заработанные сотенные они исследовали на просвет дольше, чем того требовали приличия. В конце концов увиденное удовлетворило их, они выдали мне чемодан, и, весело гаркнув: «Ну всего, хозяйка! Звони, ежели что!», уехали.

Я подняла чемодан и проходными дворами добралась до собственного дома. Никто за мной не следил. Однако я не стала лишний раз мозолить глаза и остановилась, только добравшись до дверей квартиры.

Утренняя суматоха так утомила и одновременно подстегнула меня, что я как-то совершенно выпустила из виду, что дома меня ждет любовник. Правда, теперь это был просто человек, к которому у меня накопилась масса вопросов.

А он был тут как тут. Заслышав щелчок замка, Овалов выскочил на порог в расстегнутой белой рубашке и, кажется, совершенно не заметив меня, немедленно потянулся к чемодану.

– Господи, – почти плачущим голосом произнес он, выхватывая у меня чемодан. – Куда ты провалилась?

Я даже толком не успела рассмотреть выражение его бессовестного лица – Овалов с чемоданом в руках скрылся в дальней комнате. Я прошла на кухню и выпила стакан воды – только сейчас до меня дошло, что я буквально умираю от жажды. Затем я опустилась на стул и стала ждать, когда появится Овалов со словами раскаяния на устах.

Прошло минут пятнадцать, пока я сообразила, что сцены из мексиканского сериала не будет и придется самой расставлять все точки над «i».

Я вошла в спальню в тот момент, когда Овалов, стоя на коленях, трясущимися руками запирает замки своего чемодана. Увидев меня, он изобразил на лице горчайшую досаду и трагически воскликнул:

– Неужели в этом доме я не могу даже минуту побыть в одиночестве?!

Это заявление удивило меня больше всего – судя по настенным часам, он находился в одиночестве более ста двадцати минут, пока я моталась за этим самым проклятым чемоданом. Однако изложить свои сомнения я не успела, потому что Овалов живо подхватил с пола какой-то пакет и с оскорбленным видом выскочил вон из комнаты. Из звуков, вскоре донесшихся до моих ушей, стало ясно, что он заперся в ванной.

Я озадаченно присела на край кровати и задумалась. Прежде всего мне хотелось выяснить, что я сейчас чувствую. Как-то все это неожиданно и беспощадно обрушилось на меня – оживший сон, волшебная ночь любви, безумная утренняя погоня и вот теперь такое резкое охлаждение и нервозность моего великолепного Берта. Я поняла, что испытываю глубочайшее разочарование. Если вернуться в область кино, то похожее разочарование мы испытывали в былое время в кинозале, когда у механика рвалась пленка и вместо сказки на экране мы созерцали внезапную темноту.

У многих людей разочарование вызывает апатию и подавленность, переходящую иногда в депрессию. Со мной все иначе – неурядицы подхлестывают меня, пробуждают скрытую энергию и заставляют действовать. Я еще раз сказала себе, что Овалов – не только мой любовник, но и работодатель, и отталкиваться следует именно от этого факта. Пока работодатель копался в ванной, я окончательно и четко сформулировала вопросы, которые у меня накопились.

Не сомневаюсь, что этих вопросов было бы больше, если бы мне удалось заглянуть в чемодан. Я бы проделала это непременно – то, что мне довелось пережить с этим желтокожим ублюдком, позволяло отбросить щепетильность – но, увы, секретные замки продолжали хранить тайны, и вопрос, таким образом, добавлялся пока один – что там внутри?

С этого вопроса я и решила начать, когда мой очаровательный наниматель, чистый и благоухающий и, кстати, уже в застегнутой рубашке, выбрался наконец из ванной.

– Господин Овалов, – холодно, но корректно произнесла я, заведя в двери его фигуру. – Не будете ли вы так любезны сообщить, что находится в вашем чемодане?

Честное слово, в его голубых глазах я прочла изумление и почти священный страх – точно у дикаря, столкнувшихся с одержимым. Он бросился ко мне, упал на колени, схватил за руку и, тревожно заглядывая в глаза, воскликнул:

– Женечка, что с тобой? Что случилось? Ты здорова?

То есть, по его мнению, странно вела себя я, а ему приходилось тревожиться и задавать мне массу наводящих вопросов. Все-таки мужчины все одинаковы.

– Не пори чепухи, – со вздохом сказала я. – Я абсолютно здорова. Что, в общем-то, странно, учитывая утреннюю нагрузку. Но не будем пока об этом. Скажи мне, что в чемодане.

На его лице появилось неподдельное удивление.

– Да господи! – сказал он, поднимаясь с колен. – Ну что такого может быть в чемодане! Так, барахло всякое...

Овалов сделал попытку усесться рядом и задушить меня в объятиях, но я ловко вывернулась и отошла к окошку. Внимательно рассмотрев оттуда своего друга, я не обнаружила в нем ни следа раздражения или волнения. Я ничего не понимала. Взгляд его опять был полон обожания и немного призыва. Я решила пока не откликаться на этот призыв.

– Если там всего лишь барахло, – спокойно продолжила я, – то почему за ним охотится целая банда?

На лице Овалова мелькнула робкая непонимающая улыбка.

– Прости, ты о чем? – осторожно спросил он.

Если он играл, то это был высший класс. Роберт Де Ниро мог спокойно отдыхать. На пару с Элом Пачино. Уже немного разозлившись, я вкратце изложила историю своего появления в доме Цаплина.

Едва выслушав меня, Овалов протестующе вытянул руку, потом вскочил и в волнении заходил по комнате.

– Нет, только подумать! Ты подвергалась такой опасности! – восклицал он. – Почему ты сразу же не ушла оттуда?

– Ну-у, дорогой мой! – обиженно заметила я. – Я привыкла выполнять порученную мне работу!

Овалов ударил себя кулаком по лбу и посмотрел на меня глазами, полными слез.

– Но я-то! Я! – крикнул он. – Зачем я сам не поехал за этим проклятым чемоданом!

– Если бы ты поехал сам, – резонно заметила я, – тебя бы вынесли вперед ногами. Так что здесь ты был абсолютно прав.

Овалов подскочил ко мне и схватил за плечи.

– Так ты на самом деле думаешь, что я это подстроил?! – задыхаясь, спросил он. – Клянусь, я и в страшном сне...

– Пожалуйста, отпусти меня, – хладнокровно произнесла я. – И передай, если не трудно, сигареты.

Когда он, выполнив мою просьбу, немного успокоился, я не торопясь закурила и сказала:

– Но ведь бандитов интересовал именно твой чемодан.

Овалов всплеснул руками.

– Ну, с чего ты это взяла! Это же совпадение. Кто знает, чем занимается сейчас господин Цаплин? То есть он занимается радиоэлектроникой, я знаю, но это может быть лишь прикрытием...

– Но они назвались в домофон твоим именем.

В голосе Овалова появились саркастические нотки.

– Это Цаплин тебе сказал? – спросил он. – На твоём месте я бы не стал полагаться на свидетельство человека, который боится милиции. Тем более, ты говоришь, у него было не все в порядке с головой?

Овалов с какой-то азартной лёгкостью разбивал в пух и прах все мои подозрения. Собственно, картина, которую он рисовал, выглядела ничуть не хуже моей. В самом деле, что я знаю о господине Цаплине?

– Меня преследовали на двух машинах. Именно меня. Именно с чемоданом, – уже не слишком уверенно сообщила я.

– Ну, разумеется! – горячо подхватил Овалов. – Ведь они решили, что ты связана с Цаплиным! Надеюсь, у него хватит совести не сообщать им твоего телефона?

– Кто знает? – сказала я, вспоминая Цаплина с перевязанной головой и с охотничьим ружьём в руках.

Да, это было самое слабое место. Если за господином Цаплиным все-таки нет никаких грешков, кроме радиоэлектроники, эти гориллы рано или поздно будут здесь. И конфискуют чемодан.

– Да ради бога! – с веселым смехом сказал Овалов, когда я поделилась своими размышлениями. – Лишь бы они не тронули тебя. Если им так понравился мой чемодан, то мы, пожалуй, сразу выставим его на лестничную клетку!

– Так тебя что – совершенно не волнует этот чемодан? – недоверчиво спросила я. – В нём действительно нет ничего особенного?

– Да, разумеется, нет!

– Почему же ты так разволновался, когда я с ним задержалась? Мне показалось, что он значит для тебя гораздо больше, чем я.

Овалов понурился, помолчал и тихо ответил:

– Понимаешь... Мужчина и женщина – это разные миры... Что тут объяснишь? Мои лучшие годы улетели. Тебя не было так долго... Я как-то особенно остро вдруг ощутил это – свою, скажем так, немолодость. Я увидел в зеркале седую щетину на щеках... А бритвенный прибор – в чемодане. И это здорово выбило меня из колеи, понимаешь? Я же сразу тебе признался, что с нервами у меня дела не блестящи. Вот и все.

Он взглянул на меня с беззащитной и мудрой печалью в глазах, и тут уж я сдалась окончательно. Там, где я училась – в спецшколе – нас долго натаскивала в основах физиогномики и психологии. Мне эти науки давались лучше, чем остальным. Я могу угадать малейшую фальшь в выражении глаз, в повороте головы, в тембре голоса. Но Овалов за время разговора не сфальшивил ни разу – ни жестом, ни интонацией. Он совершенно не производил впечатления человека, на плечах которого висит мафия. Он по-прежнему был голубоглазым англосаксом, рубахой-парнем, непорочным ковбоем из девичьих грез. А я была полной дурой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.